

4 ноября. Если б я мог разделить, если б я мог отделить от себя человека, раздвоиться, растроиться, с какой радостью сделал бы я это. Я отделял бы от себя человека за человеком и посылал бы их в мир, дабы свершали они дело мое, а я оставался бы самим собой - все время самим собой.

Да, я рождал бы человека за человеком, и они растекались бы по всей вселенной, творя волю мою. А воля моя - это объять все. И они объяли бы все. И сперва послал бы я в мир работников, сильных и смелых гераклов, дабы они боролись и расчистили бы мне путь, ибо земля еще не готова. Много было бы их. Вот один: музыкант-теоретик, лишенный творческого дара, но владеющий словом. Смелый, бесстрашный, обладающий громадной силой воздействия на других, - он боролся бы за идеалы четвертиновой музыки, боролся бы и побеждал. Он говорил бы: "Я бессилён творить, но придет некто, кто вдунет душу живую в тот скелет, который мы называем новой 24-ступенной четвертиновой гаммой, он облечет в плоть и кровь то, что мы создадим как плоскость, как соединение отдельных плоскостей. Приготовим же путь ему". И он приготовил бы материал для притяжения музыки более тонкой, чем та, к которой мы привыкли; он создал бы инструменты, создал бы оркестр.

И для оркестра и хора отделил бы я от себя людей - размножил бы и послал бы их в мир. Скрипачи и певцы с утонченнейшим слухом и многие другие исполнители на тех новых, неведомых инструментах, которые создавались бы первым. И послал бы я еще художника, создателя симфоний красок и форм, который сумел бы по-

шевленный и вдохновенный деятельностью первого художника. О, каким морем насмешек и грязи обливали бы его люди: "жалкий теоретик, мечтатель, загрязнитель искусства, кинематографист" - вот какими эпитетами величала бы его "культурная" толпа.

Послал бы в мир я также философа, с железной силой логики, но носящего свет внутри себя. И этот философ создал бы великий сдвиг в истории философии. Создатель абсолютной философии, он не висел бы в абстрактных сферах

не существовала и не будет существовать вечно. Биолог, исходящий из той же абсолютной философии, показал бы, что эволюции живых существ не существует и что существует лишь бесцельная смена живых форм. Психолог, одушевленный той же идеей чисто внутренней эволюции от Ничто ко Всему, обратил бы внимание науки на некоторые психологические факторы, считавшиеся до сих пор патологическими, и доказал бы, что это суть явления, порожденные приближением ко Всему, и что бо-

в своего рода индивидуум, взаимопроницающий, конечно, в соседние с ним индивидуумы. И вторая часть его труда - "о различиях" - была бы собственно живым конкретным описанием тех 2-3 исторических дыханий, о которых нам сейчас известно.

Они взаимно влияли бы друг на друга, все эти люди. Математик, например, помогал бы музыканту-теоретику, химик - физико-художнику. И вся эта плеяда ученых кропотливо создавала бы свои труды - специальные, доступные немногим. Но венцом жизни каждого ученого был бы всеобъемлющий труд, в котором он в сжатой убедительной форме сконцентрировал бы все плоды своих изысканий - труд, доступный всем и каждому, вернее, творение, а не труд, которое было бы фокусом, сосредотачивающим в неслиянном единстве всю множественность, завоеванную им с таким трудом и усилиями при жизни. <...> И послал бы я еще художника-архитектора, который сумел бы создать удивительное совершенное здание, гибкое, пластичное, уносящееся ввысь. Не много было бы прямых линий в этом здании, а преобладающими были бы живые, пластические, подобные пламени. Одни извивались бы и заострялись подобно огненным языкам, другие волнисто ниспадали бы и текли, подобно мелодии. И много трудов и гонений претерпел бы этот художник, но в конце жизни все же удалось бы ему начертить план физически устойчивого и совершенного по форме здания.

Еще многих посылал бы я в мир, которые расчищали бы и подготавливали бы путь, а я оставался бы самим собой. Тогда послал бы я в мир великого си-

ИВАН ВЫШНЕГРАДСКИЙ: ПИРАМИДА ЖИЗНИ ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ 1918 ГОДА

вернуть живопись в новое русло, который оживил бы это искусство новым идеалом - идеалом оторванной от конкретной действительности живописи, но тем более зато связанной с глубочайшими корнями космоса - живописи музыкальной, поющей, сверкающей, стремящейся прорвать железное кольцо, именуемое "настоящим моментом". Он неутомимо работал бы всю жизнь, был бы осмеян может быть, но в тишине своего уединения он создавал бы свои дивные бессмертные симфонии красок и форм, не заботясь ни о славе, ни о признании толпы. Но мало помалу влияние его разрасталось бы, и идеал новой живописи получил бы признание. И, кто знает, люди, может быть, сделали бы такую глупость, что поставили бы ему памятник.

И вслед за ним пришел бы ученый физик, практик, но не теоретик в душе, который работал бы по оптике и помог бы живописи преодолеть иго одновременности, прорвать кольцо, именуемое настоящим моментом. Он любил бы искусство, этот человек, особенно живопись, и все силы своего ума и таланта отдал бы ему. Но, не одаренный творческим даром, он погрузился бы в свои оптические изыскания, оду-

отвлеченного, оторванного от живой конкретной действительности мышления - он сумел бы, не в пример своим предшественникам, связать эту живую действительность с двумя абстрактными безднами Все и Ничто. Он сумел бы избежать опасности пребывания в этих сферах, зеркально отражающих одна другую, опасности постоянного балансирования от одной к другой, без надежды зацепиться в середине. Он сумел бы отречься от ненужного стремления логически доказать и только с непрекаемой убедительностью показал бы живую связь середины с началом-Ничто и концом-Все, связал бы их через идею чисто внутренней эволюционности от Ничто ко Всему. И этот человек, подобно мне, тоже разделился бы, оставаясь в то же время самим собой и создал бы ученых. Астроном и геолог, вдохновенные его философией, показали бы, что гипотеза о происхождении мира из туманности и происхождения Земли от Солнца суть очень шаткие гипотезы и порождены лишь человеческим психологическим свойством: страхом перед бесконечностью, и что нет никаких оснований не считать, что солнечная система, равно как и все остальные планеты и системы,

лезненность их проявлений коренится лишь в болезненности всего нашего уклада жизни. Он осветил бы также проблему искусства как средства приближения души ко Всему, а также проблему метаспихоза с психологической стороны. Социолог занялся бы исследованием малых синтезов, создающихся и разрушающихся на протяжении истории, - синтезов национальных, классовых, кастовых и других и их взаимоотношений и показал бы, что всеобщий человеческий синтез возможен как временный, а не как вечный. Историк, исходящий из идеи вечности земного шара, осветил бы шаткость гипотезы о существовании такого периода времени, когда на земле не было человека и человеческой культуры. Он показал бы историю как своего рода надбиологическую жизнь, но родственную ей по сущности, - он представил бы ее не как эволюцию, а как бесцельную смену форм, как цепь ритмических дыханий, длящихся каждые по 2000 лет приблизительно, и выяснил бы закономерности, царящие в этом ритме, выяснил бы общие признаки, присущие каждому из дыханий и обезличивающие их, равно как и различия, индивидуализирующие каждое, превращающие каждое из них

стематического художника, который из готового материала создал бы День Бытия, произведение синтетического искусства. <...> А когда создал бы День Бытия, когда выстроено было бы совершенное здание с совершенным залом в центре и со всеми приспособлениями для зрительных, обонятельных и температурных ощущений, со скрытым помещением для нового оркестра, хора и малого оркестра из исполнителей на зрительных, обонятельных и температурных инструментах во главе с великим магом - синтетическим творцом в качестве дирижера, - тогда пришел бы я сам, единый и нераздельный, кроткий и любящий. Провозвестник Единой Истины и провозвестил бы миру Великое Все и Ничто. И в этот миг мир был бы совершенным. Но счастье мое, что не могу я разделить, ибо если бы это свершилось, то тогда погибло бы единство сознания. И кто знает, не подняли бы посланники эти бунта против меня, не отвернулись бы они в часы гонений и насмешек от дела своего, не направились ли бы они по ложному пути. Или даже: может быть, они даже не осознали бы своего посланничества?

А может быть все на самом деле так и произошло?